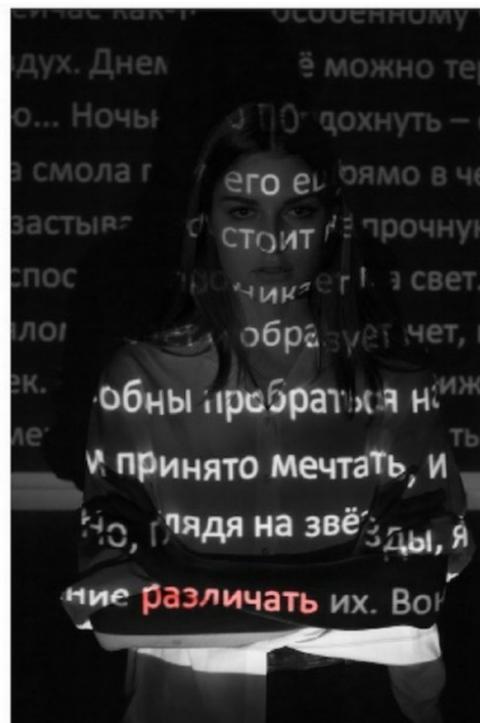
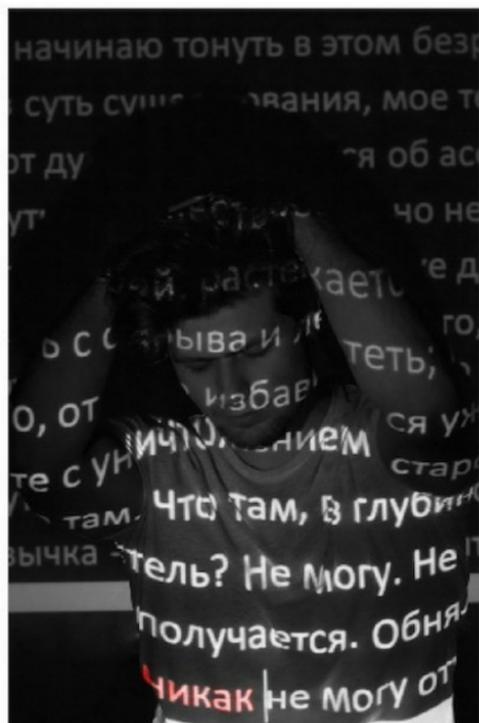
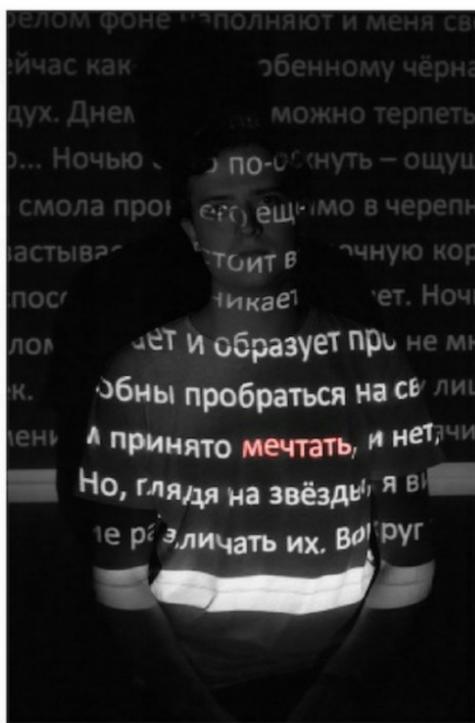

ВИКТОР СИДОРЕНКО

рефлексии (16+)

Виктор Сидоренко

Рефлексии

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сидоренко В. В.

Рефлексии / В. В. Сидоренко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Иногда так случается, что душа горит, сердце рвётся, а голова зудит так, будто внутри черепа орущий на всю улицу клуб. Я знаю, каково это. Уверен, это знаете и вы. В данном случае единственным выходом остается написать об этом. Истории, которые мне хочется вам рассказать, несут в себе идеи; в каждой - своя. Увидите ли вы их - мне неизвестно, как неизвестно и то, получилось ли у меня их донести; но если мои тексты подарят эмоции или повод для размышлений, то это будет значить одно: миссия рассказчика выполнена. Обложка сделана автором.

Содержание

Вместо вступления	5
Руки и губы	7
Обыкновенная осенняя история	8
Один Пять Четыре	17
Один	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виктор Сидоренко

Рефлексии

Посвящается тем, кому постоянно не спится: нам, молодым.

Вместо вступления

Искусство создать вечность

*Творенье может пережить творца:
Творец уйдёт, природой побеждённый,
Однако образ, им запечатлённый,
Веками будет согревать сердца.*

Микеланджело

Нельзя творить без вдохновения, да и нужно ли это делать? Не могу ответить, но готов поставить на то, что если уж вам повезёт ухватиться за руку, протянутую ангелом, вы последуете за ним. Главное – найти нечто, позволяющее обратить на вас внимание тех, кто живёт где-то наверху.

Блуждая по проспектам собственной головы, прячась от плохих мыслей по дальним уголкам, я Ищу. Ищу нечто светлое: ярчайшее ядро, способное своим блеском ослепить каждого, кто до него дотронется. Это своего рода способность абстрагироваться. Это идея. Вдохновение. Возможность не видеть ничего вокруг, кроме листа бумаги. Не видеть ничего, кроме мысли, быть внутри неё, желать созидать. Не важно, где прячется свет, я найду его. Найду ту самую подворотню, тот самый дом, тот самый подъезд, где он живёт. Среди тёмных улиц, по которым парами гуляют похоть и чревоугодие, гордыня и гнев, я отыщу свет, как бы он ни скрывался.

Творчество – тончайшее, сложнейшее дело. Хрупкая материя в руках неотёсанного болвана. Скоростной болид под управлением новичка. Оно не подвластно никому. Правда, только слабак не захочет попытаться с ним справиться. Великим Гёте было сказано: «В глубине человека заложена творческая сила, которая способна создать то, что должно быть, которая не даст нам покоя и отдыха, пока мы не выразим это вне нас тем или иным способом». Иначе говоря, каждому стоит попробовать совладать с творчеством, лишь бы было желание. И даже не столько желание, сколько вдохновение. Луч света, который прячется где-то глубоко, способный являться средством для обуздания столь непокорной материи.

В этом и кроется главная проблема творца; в поиске того, что умеет вдохновлять. Человек – сфера эмоций, ощущений, – чувств. Его Единственная задача – пробудить в себе то, что может заставить создавать, – вдохновение. Что же для этого необходимо?

Один из самых верных и, наверное, простых вариантов – музыка. Всё предельно просто. Текст, мотив, их идеальное сочетание словно выстреливают в уши волнами энергии. Певец, пусть это звучит банально, отдаёт нам часть себя, своей энергии. На протянутой руке дарит их нам. Нужно только принять и, приняв, браться за дело.

Далее можно так же рассматривать книгу, театр или кино. Наверное, я могу ошибаться, уравнивая эти виды искусства, но попытаюсь доказать собственную точку зрения. Любое стоящее, нет, шедевральное произведение вселяет в нас жизнь героя. Прочитав книгу или посмотрев талантливый фильм, мы буквально заселяем в себя его персонажей. На улицах человеческого мозга при прогулке можно встретить Онегина, Гамлета, лирических героев великих поэтов. С ними можно поздороваться, поговорить. Только представьте себе: рефлексировав, мы уходим в другой мир, собственный мир, с удивительным населением. Гуляя внутри себя, мы,

обходя порочные мысли, можем встретиться с теми, кого только что узнали, или с теми, кого знаем уже годы. Почувствовать, примерить их переживания на себя, хотя бы на долю секунды побыть ими. Это волшебно. Быть внутри себя – совершенно новая жизнь. Человек – будто президент внутренней страны, с каждым жителем которой он знаком лично.

Но сколько бы книг ни было прочитано, спектаклей или фильмов просмотрено, сколько бы потрясающих поселенцев ни проживало внутри нас, необходимо выделить место для самого главного жителя. Того, который наиболее реален, – человека, живущего в нашем мире и в то же время в головном – мозговом и сердечном – чувственном. Я говорю о нашей Музе. О том персонаже, кого написала сама судьба, а не человеческое воображение.

До появления в жизни такого созвездия каждый слеп. Муза – вдохновение по-настоящему творческое, она и есть само творчество. Она позволяет видеть. Если реальный мир по какой-то причине кажется нам расплывчатым, фрагментарным, возможно, даже гнусным и недостойным того, чтобы его лицезреть, то Муза – это очки, мир преображающие, оживляющие, одушевляющие. Мир становится чётким, выпуклым, цельным – своим, обжитым. Жизнь проявляет свою красоту только благодаря этому Явлению, ведь иначе, будучи слепым, нет смысла и бродить по этому миру.

Мы можем творить только благодаря вдохновению. Истинному, чувственному, ведь чтобы стать частицей вечности, нужно просто надеть очки.

Руки и губы

*Меня подавляет величие всего – неведомое, ставшее ведомым –
Грядущее, слитое с царственным и определённым Настоящим.
Эдгар Алан По. Разговор Эйрос и Хармионы*

На днях мне повезло поучаствовать в крайне интересном разговоре. Чарующие мысли влил в мою заскучавшую от рутины голову далёкий друг, который порой стучится ко мне в голову. Ему удаётся найти меня, когда я теряюсь между улицей самопоедания и проездом безы интереса. Он отводит моё раскалённое от холода тело домой и расчищает разум от ненужных умозаключений.

Наши диалоги всегда строились очень забавным способом. Бывает, он молчит весь день, а потом резко, словно книгой по голове, жадно крадёт меня в свой рассказ. Его, если уж совсем честно, очень увлекательно слушать. Он будто обладает даром отвлечения человека от любого занятия. Если мы смотрим фильм, он, увидев в эпизоде что-то знакомое или же наталкивающее на мысль, в некотором смысле останавливает повествование киноленты и бросается со мной за руку в иной кинозал; в тот, что внутри черепной коробки.

К слову, о черепае и коже, его обтягивающей. Меня всегда интересовала его внешность. Я нахожу интересным, да и вы, наверное, найдёте тоже, сочетание квадратного лица с подбородком, напоминающим две небольшие горки. А над этими изваяниями живут тонкие, подобные двум шариковым ручкам губы. Однако самым захватывающим я всегда находил его взгляд. Эти большие, как два зелёных болота с островком посередине, глаза своей мечтательностью, перемешанной с тоской, по-настоящему завораживали; завораживали так, что его хотелось слушать, какую бы чушь он ни нёс. Словом, это очень неоднозначный, странный человек. Признаться, сам удивляюсь ходу его мыслей, так как пересказать их довольно сложно, а некоторые и не нужно, но при этом большинство из них стоят того, чтобы их записать и поделиться.

Не так давно он зашёл ко мне на чашку ночного кофе, и мы разговорились с ним о деталях человеческого тела. На мой вопрос «Что в человеке ты считаешь самым ужасным?» он ответил непривычно для себя грубо, но в то же время с задумчивым минором в голосе:

– Руки и губы... Ты не представляешь себе, сколько жестоко-удивительного в них кроется! Губы – это самый прекрасный ужас на теле человека. Они, пожалуй, являются инструментом для того, чтобы сказать, как мы любим человека, и я сейчас не о словах, доносящихся из них; я о поцелуе. Лучший способ сказать о чувствах – поцеловать. Это, если выразиться бюрократически, печать на бумаге о начале отношений. Это словно...

Ты же наверняка чувствовал невозможность и одновременно с ней желание коснуться недостижимого. Будучи в картинной галерее или же на музыкальном концерте, с одной стороны, тебе удаётся прочувствовать магию, наполняющую окружающий воздух, но с другой – не можешь провести немного трясущейся рукой по этому воздуху; так чтобы мельчайшие частички магической пыли остались блеском на твоей ладони...

– А руки тогда чем плохи? – прервал я ожидаемую тишину.

– Тем же самым, – вздохнув и не сбавляя пафосного минора, ответил мне собеседник. – Момент рукопожатия или просто касания рук – означает взаимную передачу энергии. Ты же никогда не дотронешься до того, кого ненавидишь? И, наоборот, всегда будешь стремиться к любимому. Ужасно лишь смещение данных в примере. Часто бывает, что люди хотят коснуться тех, кто реагирует на это как на укол ножом. Так ужасно...

На этой ноте он встал и вышел из комнаты, я даже не хотел его догонять, да и не мог, ведь его рассказ оставил напряжение, уже вошедшее в состав воздуха. Надышавшись им, я взялся за ручку.

Обыкновенная осенняя история

Свет лениво проскальзывал сквозь задвинутые шторы и никак не доходил до кровати, на которой двенадцатый час спал молодой человек. Можно было бы подумать, что он – большой работяга; молодой парнишка, что тащит на себе мать, отца, работая грузчиком или ломая спину где-нибудь на стройке. Правда же крылась под его диваном, куда закатилась бутылка уже тёплого, мерзкого пива.

Евгений всегда говорил, что «хуже тёплого пива только противное молоко с пенкой». В этом он определённо был прав, ошибался лишь в том, что оставил свой алкоголь открытым и, отвернувшись, уснул, ввинчиваясь в диван, как обычно это у него и бывает после пятой бутылки.

Так и осталось загадкой, почему стеклянная ёмкость в итоге оказалась в горизонтальном положении, укатываясь в пространство, которое тринадцать лет назад было для него самым страшным местом во вселенной.

Ранее там прятался детский ужас: волосатые монстры, когтистые приведения, черти и тому подобные бестии. Теперь же там прячется кошмар взрослого человека.

– Бум! – Ветер, поднявшийся в середине дня, распахнул окно и что есть силы закрыл дверь в комнате. Этот звук стал ударом для его похмельно-сонной головы, после которого он перевернулся и открыл глаза. Евгений с удовольствием проспал бы ещё пару (или десятков) часов, но на столе лежала Причина невозможности проваляться весь день в постели. А ему так хочется, особенно сегодня.

За последние пару лет получалось, что его подушка и одеяло знали о нём больше, чем его друзья, а может, и он сам. Мысли – мысли – мысли; циклическая череда идей вращалась внутри головы и отпечатывалась в постели. Словом, место для сна было верным другом Евгения.

Интересно, а умей наша кровать разговаривать, сколько бы она поведала нам? О том, кто мы, какие сны снятся и какие идеи приходят. Она бы могла помнить наши слёзы и восхищения. Наши ошибки и верные действия. Сколько «решающих» сообщений мы пишем на кровати, сколько вдохновлённых заметок создаём, сколько читаем, смотрим и, главное, рефлекслируем – фантастика!

«Забавная глупость», – просочилась сквозь мечтания оценка Евгения. О чём только не подумаешь, лишь бы не вставать.

Поднявшись со своего лежбища, вляпавшись в разлитый алкоголь, он посмотрел на одинокий телевизор, заметив, что пыль на нём расстилалась подобно свежесрезанному газону.

«Убраться, что ли...» – щелчком по голове мелькнула эта мысль, но, как и большинство других, она лишь пришла на остановку и после уехала по своим делам.

Старый диван, сохранившийся со времён Андропова, стоял разложенным с тех пор, как его сюда привезли. На нём сжималось от страха постельное бельё с выцветшими уже как пару лет паровозами. Под определённым углом можно увидеть небольшой тайфун, образующийся посередине диванного пространства. Его причина – нежелание парня вставить вылетевшую деревяшку основания обратно.

Место для сновидений выделялось среди всех предметов интерьера прежде всего тем, что занимало половину комнаты. Ещё двадцать пять процентов – толстяк-телевизор и изящно расписанный когтями шкаф. Чьи это когти Евгений, не знал, да ему было и не важно.

Нельзя сказать, что его комната была похожа на склеп или шкаф; нет. Это обычное пространство старой постройки, семь шагов в длину, четыре в ширину. Похожим на вышеописанные объекты его делала атмосфера, так упорно поддерживаемая Евгением. Максимально возможно закрывавшие от света тёмно-синие шторы; пыльная мебель и повисший, как на вешалке, аромат дезодорантов и духов, а также выветривающегося алкоголя.

Его квартира была для него самым любимым местом. Несмотря на причудливую атмосферу, ему было важно, что это Его атмосфера. Там он прятался от людей, которых боялся, которых не любил из-за их активности; глупых, как ему казалось, побуждений к тусовкам и веселью. Он гораздо комфортнее себя чувствовал за чтением книг (под телевизором ждала своего выхода «Тошнота»), просмотром фильмов или погружением в рефлексии под музыку.

Как ненавистна ему была клубная атмосфера гламура, псевдоживых и лицемерных людей в заведениях, для этого созданных.

Всё же он знал, что говорить о вещах заранее – плохо, потому решил испытать себя. Однажды он захотел попробовать получить удовольствие от клубной тусовки, но увиденное лишь сильнее оттолкнуло его от подобного времяпрепровождения.

В начале сентября, когда в городе начинало пахнуть осенью, вместе с компанией студентов, что только-только вновь появились в его жизни после летней паузы, он оказался в заведении под названием «Соль».

Там он в мгновение ощутил себя инородно, как камень в почках. Огромная кричащая вывеска, вдоль которой шло неоновое освещение, мгновенно попала на глаза. Опустив голову вниз, он удивился пафосу и максимальному стремлению этого клуба выделиться среди подобных заведений. От начала улицы до дверей расстилалась красная дорожка, в конце которой стояла пара серьёзных мужчин. Над перечисленным повис балкон, опирающийся на столбы, и в итоге всё строение напоминало античную архитектуру. Весь эпатаж и нарочитый блеск наружного мира оказались, как и стоило ожидать, пустыми, стоило только зайти внутрь. Небольшая, как школьная парта (возможно, это она и была), стойка диджея, длинный бар, лестница на второй этаж, а также клетчатый и пока ещё полупустой танцпол. Те, кто уже был готов к нему, двигались там, а компания студентов, как жуки, разбежалась по заведению, и в секунду Евгений остался один. В другую секунду ему стало невероятно скучно, а чуть позже и отвратительно. Быстрая бессердечная музыка стучала молотком по его ушам. Повсюду летали улыбчивые люди; его же интересовал единственный вопрос: «Почему? Почему им весело, а мне – нет?. Эта улыбка... настоящая или притворная; пьяная или чистая?»

Покачав головой, он отвернулся лицом в бар. Словом, с каждой секундой ему казалось необходимым извергнуть себя из этого организма.

– Что будем пить? – доброжелательно, словно к другу, обратился молодой человек за барной стойкой.

– Э-э, виски... с колой, – неуверенно прозвучал Евгений. Это первое, что пришло ему в голову, ведь подумать он не успел.

– Сейчас сделаем.

Стоя возле бара в ожидании коктейля (без него он бы точно не выдержал там больше десяти минут), его глаза скакали по залу в поисках того, за что можно зацепиться, чтобы остановить поток наполняющей скуки.

Сразу он заметил две, как ему показалось, примечательных детали этого места.

По правую руку стояли два с виду приличных мужчины, громко, перебивая музыку, рассуждая, кого из женщин они «сопроводили бы куда-нибудь». Сразу после этой фразы один из них показал рукой на девять часов, и взгляд Евгения потянулся за нею. Замеченное им не то чтобы вызвало ярость, но его лицо, как от кислого лимона, свернулось, озадаченно недоумевая.

Картина была следующей: девушка, вероятно, пьяная, была поглощена танцем. Безусловно, ничего дурного нет в том, чтобы соединиться с музыкой, проникая сердцем между ритмов и слов. У девушки же это соединение было в ином ключе. Самыми запоминающимися элементами её танца были: нарочитое желание стянуть с себя майку и смещение рук поближе к груди, дабы та едва ли не вываливалась на пол.

Десятью минутами позже, выпив свой стакан, Евгений понял, что делать ему тут абсолютно нечего, он тихо побрёл к выходу и в ожидании такси сел на лавочку вблизи «Соли».

Тем временем история девушки продолжалась. Выйдя на улицу покурить, она что-то не поделила с подругой (а может, они вообще знакомы не были), после чего они начали что есть силы тягать друг друга за волосы. Через пару секунд подбежали охранники. Евгений, в полнейшем недоумении продолжая наблюдать за действием, увидел свет фар приближающегося автомобиля и в надежде, что этот свет именно от тех фар, которые ждёт он, встал и направился ближе к дороге. Сев в машину, он начал отдаляться и в заключение увидел в зеркале, как одна из тех дам упала на землю и не могла встать.

Он покачал головой, свёл брови и впал в сиденье машины в ожидании приезда домой.

С тех прошёл уже год, и Евгений ни разу не заходил в подобные места.

Выйдя из спальни, он первым делом проскользил в ванную комнату. Посмотрел в зеркало, в котором отражалось овальное лицо с широким лбом, редкой щетиной, ровный нос-треугольник и любезно уложенные сном волосы, похожие то ли на стайку змей, то ли на помятую траву. Умывшись, причесавшись, Евгений понял, что ему пора собираться, ведь Причина не ждёт.

А на улице тем временем всю серым светом сиял октябрь! Как же он наслаждался каждым наступлением осени.

– Осень так романтична! – твердил он себе, только-только заметив падение температуры. Благо, сегодня наступил этот день. 12 октября – наконец-то! Теперь можно выйти на улицу и встать в ряд с чёрно одетыми людьми, можно оправданно погрузиться в тоску и апатию, ведь улыбчивое солнце сказало грустное «до свидания».

Евгений открыл шкаф, надел джинсы, тёмно-синюю рубашку и любимое пальто, схватил со стола Причину и вышел на улицу.

Она тем временем жужжала и гудела, примерно каждые 20–30 минут. Затем на ней загорелось «Мама», и он нежно улыбнулся. Ему было чертовски приятно получить именно этот звонок, ведь, ответив, а затем повесив трубку, на его задумчивом лице на несколько секунд зажглась улыбка.

Спустя несколько минут он был на улице. Там внутри него будто появился кислород; он стал словно лёгкие курильщика, которые перестали отравлять смолами. Или, наоборот, он наконец отравил себя этими смолами, дарившими ему настоящую осеннюю радость. Засунув руки в карманы, а наушники в уши, Евгений поднял голову вверх, увидел затянутое тучами небо, размял шею и, почувствовав бессознательную улыбку на лице, пошёл вдоль улицы.

Ему было в тысячу раз спокойнее слышать хруст золотых листьев под ногами во время одинокой прогулки, нежели скрип дверного замка или звонок на мобильном. Выходя на улицу под меланхолично ласкающую музыку, играющую в ушах, его воображение превращало тусклую, грязную улочку, вдоль которой повисли тонкие, напоминающие тысячу человеческих рук, кусты, в загадочный сквер, что таился среди имперских садов. Он более всего обожал смотреть на умирающую природу. И пусть звучит это странно, но ему виделось в этом что-то магическое; что-то загадочное. Осенние прогулки – его любимая и в то же время ненавистная часть дня. Погружаясь в атмосферу минорной осени, его разум и сердце охватывала тонкая печаль; она была не из тех, из-за которых люди не спят по ночам и горюют днями; печаль, имеющая лёгкий налёт романтики, являлась для него частью этого осеннего пейзажа, ведущим образом которого был его омрачённый портрет.

Стоило только выйти из дома и пройти сто метров, Евгений попался на глаза низкому молодому человеку. Это был его сосед из дома напротив – Гена. Всегда при виде него возникал вопрос: откуда в двадцать первом веке берутся люди с такими именами? Гена улыбочиво протянул руку.

– Привет, брат, как дела?

Евгений же пожал руку и скучно ответил: «Нормально». После этого он немедля двинулся дальше.

Об этом человеке складывалось ярко-негативное впечатление. Евгений знал его со времён школы, где они даже и не общались толком. Иногда были в одной компании в столовой – не более того. И спустя пять лет со дня прощания Гены со школой они виделись всего раз десять.

«Тогда почему ему интересно, как у меня дела? Пустая формальность или фальшь? Зачем интересоваться самочувствием человека, который тебе безразличен? Которому ты не пишешь, не звонишь, с которым не видишься вообще?»

У него сложилось обособленное отношение к, казалось бы, простому понятию «друг». Он понимал, что последнее время слова теряют своё сакральное значение. Сегодня сказать «ты мой друг», «брат», «люблю» так же просто и бессмысленно, как «привет». Это его раздражало, и не мог позволить себе он находиться среди лицемеров, опустошающих сакральные смыслы. Было ли дело в том, что он обожал слова, считал их отражением чувств, или в том, что читался умных антиобщественных цитат, – не важно, важен лишь итог, напечатанный в книге-голове.

Гена был, что называется, дворовый парень, откуда, вероятно, и начались его «пацанские» выражения, мировоззрения, музыкальные предпочтения. Ещё с раннего периода становления личности он пропадал во дворах с соответствующим дворам контингентом. Отсюда пошли и словесная привычка называть всех «братьями», и гиперболизированное желание отстаивать свою правоту, и, конечно же, желание большинство споров решать рукоприкладством.

– Идиотизм, – скромно резюмировал свой анализ Евгений.

Он шёл по улице на остановку, чтобы оттуда поехать через центр города в дом, где его ждала Мама. Испачкав чёрный ботинок в грязи, в его голове не родилось мысли вроде: «Чёрт! Грязным теперь идти?» Нет! На его лице третий раз за день появилась улыбка – с чего бы? Всё просто, покуда он любил это время года – то любил и негативные его проявления.

«Любить ведь значит удивляться достоинствам и принимать недостатки», – подумал про себя парень и, не мешкая, продолжил свой путь.

Отчего-то пятно, расстелившееся от подошвы к началу джинсов, натолкнуло его на решающую мысль: «А не пойти ли мне пешком? Всего-то пять километров, отличная погода!»

Над его головой тем временем среда обесцвечивала всё вокруг; небо заполнялось тучами, а здания и жёлто-красные деревья вокруг теряли свою контрастность, хотя и продолжали выделяться.

Осень всегда наталкивала на мыслительную деятельность, даже когда ему этого не хотелось. Он мог проезжать в автобусе мимо пустых домов, в окнах которых виднелась темнейшая пустота, и моментально голова его наполнялась идеями. Как правило, мысли эти носили секундный характер, как пули, выпущенные в человека; раз выстрел, два, три – и прошли насквозь.

Однако в этот день он намеренно хотел погрузиться в прогулочные рефлексии, покуда есть Причина и каких-то пять километров, через которые он наконец окажется там, где ему быть нужно и где быть чертовски хочется.

Короткое путешествие его – обыкновенная осенняя прогулка по дневному городу, только-только ощутившему всеохватывающий вкус осени. Выйдя на перекрёсток, он понаблюдал за людьми, опустившими свои головы вниз, глядя в смартфон, после – за водителями автомобилей, стоящих на красный сигнал светофора и занимающихся, в сущности, тем же.

Он прошёл мимо пустой ярмарки, которые, увы, сегодня никому не нужны. За прилавками стояли деды, читавшие книги, и женщины, вязавшие разные поделки, чтобы торговать ими.

«Да и как, с чего бы им стать нужными? – задумался Евгений. – Эти ярмарки... ох, ярмарки, даже самому странно, отчего я так назвал эти семь столов с каждой стороны аллеи, устеленных одинаковыми колоритными вещами. В таких местах должна ведь жить душа? Или

нечто подобное, некий культурный ореол. Вместо него – фикция, бизнес. Окоммерчивание культуры – гадость, бессердечная подделка и торгаш, вот что такое культура, и я не только про это место».

На секунду в голове непонятно зачем всплыла девушка.

– Зачем? – сказал сам себе молодой человек и еле заметно правой рукой дёрнул в сторону, словно смахивая пыль с полки.

Его вопрос был верен со всех сторон. Человек, давно пропавший из его жизни, изредка возникал, как приставучая мелодия. Порой мысли заводили его в далёкие места собственной памяти, как те, в которых он её похоронил. По лицу его было видно, что думать или вспомнить про эту девушку он абсолютно не хотел – но что поделать? Так был устроен его вечно мечтающий мозг.

Почему-то он скучал по ней. Осень ли – виновница этой неожиданно выросшей тоски? Возможно. Вспомнив, ему показалось нормальным, что в нём ещё живёт то, что можно было бы отнести к сердечной деонтологии. Ему хватило самообладания и чести, чтобы вразрез с царящей повсюду желчью по отношению к бывшим вторым половинкам продолжать уважать её и в некоторой степени любить, пусть она была всего лишь воспоминанием. Возможно, самым прекрасным воспоминанием в его жизни.

Пока печальная лирика играла концерт в голове Евгения, за бортом той самой головы начало проясняться. Это отвлекло его от ненужных рассуждений, и он остановился на световом, потом с наслаждением набрал полные лёгкие воздуха и почти моментально выдохнул.

Солнце отработало своё, пора бы ему на отдых. Теперь холодные дни сменяла холодная ночь, свершилось! Снаружи наступила та же погода, что расцветала, или, скорее, умирала внутри него. В то время, когда каждый печалился из-за окончания летних дней, он радовался, что небо наконец затянется серебром.

Его мысли наконец обрели нужную атмосферу, его одежда наконец приходилась к месту, наконец, его походка с опущенной вниз головой и мечтательно-пустыми глазами перестала выделяться среди летних радостных шагов. Он ничего не любил больше, чем наступление осени. Ох, как же он её любил!

Как обожал дождь, что, словно фортепиано из композиций Баха, стучал по подоконнику; как чувствовал ветер, которой скрипкой из «Каприза» нёс листву по влажному асфальту.

«До чего романтична осень!» – подумал про себя Евгений и продолжил наблюдать за деталями неповторимой осенней лирики.

Перейдя дорогу и оказавшись на перекрытой от машин части улицы, он словно появился внутри улья. Как правило, нахождение среди сотен пчёл его несколько пугало – слишком большие тучи летают повсюду и периодически жалят, сталкиваясь плечами. Но ощущение некой инородности отступало, стоило отойти ближе к краю и наблюдающей походкой продолжать свой путь. Отступало оно оттого, что люди, собранные кучками, хоть и раздражали, но являлись частичкой городской осени. Тот самый минус, который можно было простить любви всей своей жизни.

Люди эти – почему-то счастливые – совсем не такие, как возле его дома, где опущенные вниз головы слонялись из стороны в сторону и навевали лишь желание поскорее отвести от них взгляд. Тут те же головы выглядели какими-то счастливыми.

Почему? Наверное, потому, что они наслаждаются днём, а не проживают его. Вот милая парочка, вот улыбчивая семья с коляской. Что-то в этом однозначно есть.

Евгений тем временем шёл дальше, разглядывая внешний мир. А мир блестел, тихо и невзрачно, но, умея смотреть на него, Евгений видел и, главное, чувствовал спокойное сияние вокруг себя. Это были не кислые вывески, а тихое ламповое свечение.

«Не так ли должен светиться уют?» – подумал он про себя.

Улица, по которой он шёл, сотню лет манила на прогулку людей, что так же, как и те парочки, как и сам Евгений, проводили время в компании с одним из своих ближайших друзей – родным местом, воспитавшим его.

А сегодня, пусть в иной эпохе, город сияет иначе. Как-то по-своему, излучая нежность, обнимая каждого своего жителя, находясь с ним в сокровенном единении; как родная мать и дочь, вместе готовящие печенье, или отец, учащий сына водить автомобиль. Человек и его город во все времена – особенный виток любви.

Между тем ровно на этой мысли, как капля с потолка в кружку чая, как чихающий на картины турист в Лувре, пейзаж мгновенно оказался омрачён сразу двумя видами по оба плеча Евгения. Это были две парочки: первая страстно ругалась, играя в «кто кого изошрённое обзовёт уродом»; вторая же – не менее страстно пыталась съесть, что ли, друг друга.

– Какая глупость, как нелепо и убого выглядят эти эпизоды в общей картине. Настоящий идиотизм, – быстро резюмировал Евгений. – Раз у вас страсть, испускайте её вне общественного места, для этого есть квартира.

– Эй, Женька, приве-е-ет! – протяжно и раздражающе пронзительно сзади зазвучал знакомый женский голос.

«Судя по всему, я слышу Яну», – подумал Евгений и, повернувшись вполоборота, полностью подтвердил свои предположения. Она всегда напоминала ему кнопку выключателя. Но не внешне, не было у неё чёрного и тонкого носика посреди лица, а метафорично, ведь стоило ей появиться, и в момент срабатывал выключатель, загоралась вывеска со словами «скука» или «уйди, пожалуйста». Всегда по-разному, но в одной тональности. Что же явилось из этих вариантов сегодня, оставалось лишь догадываться.

– Жень!

– Привет, Яна.

– Да, приве-е-ет, рада тебя видеть, – протяжно сказала девушка, обняв Евгения.

«Самое интересное, – подумал в эту секунду Евгений, – что объятия её пустышка, ничего не значащая формальность, глупость. Как Гена».

– Блин, здорово было тебя увидеть, давай. – Девушка упорхала.

– До чего восхитительный диалог! – сказал отчего-то вслух парень. Затем несколько озлоблённо подумал: «Хотя откуда ей знать, какой сегодня день? Правда, она та ещё глупыха. Вон с парнем, с которым гуляет, расставалась и сходилась больше раз, чем у меня пальцев. И это в её понимании отношения: выносят друг другу мозги, разбегаются, она влюбляется в другого и по всему курсу кричит, как она счастлива, затем появляется он, добивается её (очевидно, несложный процесс), и по-новой. Скука».

Не успев отойти от этих мыслей, ему на глаза попались ребята-актёры, как он их ласково называл. Эти люди – интернет-поколение, поколение моды или как их правильно обозвать – выглядели чрезвычайно занято – подвороченные джинсы в 5 градусов тепла, широкие куртки. Порой вычислить возраст девочки или парня можно по тому, как они одеваются; отсюда понятно, на какие странички они подписаны, можно даже предугадать, как они общаются и что их интересует. Как правило, эти ребята – погружённые в поиски себя и нарочито стремящиеся это продемонстрировать, снижая тем самым важность этого поиска. Снаружи они романтизировали страдание и одиночество – и это красиво.

«Трагедия – чем не явление прекрасного? – мысленно соглашался Евгений. – Особенно если принять тот факт, что я и сам – псевдострадалец – один из них, – мысленно усмехнулся он, откровенно не понимая сочетание в них, наряду с романтизацией, в общем-то, вечных, пусть и страшных вещей, такие аспекты, как поклонение кроссовкам, странной одежде и специфической музыке. – Интересно. Они такие грустные, что даже смешные; спрятались в себе, как любопытный грызун в норке. Казаться – важнее, чем быть, оттого, что люди мыслят образами, сами того не подозревая? "Я – одиночка, замкнутый и хамоватый интроверт"; "Я – лидер и

центр внимания". Казаться – вот что сегодня, как, похоже, и сотни лет назад, имеет важнейшее значение для определения человека».

Евгений прошёл мимо пустой библиотеки. Вернее, не совсем пустой, заглянув в неё, он увидел в ней дедушку в рыбацкой куртке, облизывающего палец перед тем, как перевернуть страницу.

«Брр, – прошипел про себя Евгений и подумал: – Почему там никого нет? Выбрали бы те ребята вместо часа прохлаждения на улице десять минут с книжкой, хотя бы ради фотографии. А за кофе вон очередь стоит».

Вздыхнув, он решил пойти дальше, и, чтобы продолжить рассуждать, он купил себе стакан капучино и двинулся дальше по улице. На глаза попала парочка пьяниц.

– Какая мерзость! – мгновенно отреагировал парень. Зачем, ну зачем столь гадко вклиниваться в отлаженный городской организм. Такие люди – словно вирусы в здоровом теле, которые надо лечить, причём максимально жёсткими методами.

А путь его между тем перевалил за экватор, и город, словно понимая, что его урбанистическая часть должна оборваться и пора бы сменить внешний облик, перекрасился в цвета старины. Так, в секунду вместо броских современных и, пожалуй, уже классических советских построек на пейзаже стали появляться витиеватые фасады исторических зданий, которые словно обрели новую жизнь на контрасте с современными. Пожалуй, благодаря им город сохранял свой интересный, в некоторой степени загадочный мир, колористика которого не могла наскучить. Евгений наблюдал за тем, как он переходит от двадцать первого века в двадцатый, а потом и в девятнадцатый.

На мыслях о постройках мимо пронесли люди на сегвеях.

«Зачем? – про себя бросил Евгений. – Прогулка должна быть пешей, иначе какая же это прогулка? Или это я старомодный... И всё же иногда технологии рушат романтику».

Спустя несколько десятков шагов туч уже не было, их разогнал холодный ветер – переменчивая осень!

На площади близ его местоназначения город вновь запестрил контрастами. Напротив музея, который словно старый и добрый старик звал к себе, чтобы рассказать историю своей жизни, стояло величественное здание суда: молодой и серьёзный человек, поглядывающий в спешке на часы. Тут Евгению пришлось свернуть. Но не задержать взгляд, чтоб напоследок вдохнуть две эпохи, обнятые осенью, было бы эстетическим преступлением. Они потрясающе контрастировали при помощи мастерских мазков осени. В этом что-то было, и было это превосходно!

Как назло, в момент этой мысли он увидел идущего навстречу одноклассника; известного на всём курсе тусовщика, которого по смешному стечению обстоятельств также звали Евгений. Но ему не нравилось это имя – уж слишком академичное, а сокращённый вариант – Женя также не устраивал юного повесу, потому он предпочитал модное и звучное Джон. В надежде не встретиться с ним лицом к лицу Евгений собирался перейти на другую сторону улицы, но, к его большому сожалению, это сделать было не суждено.

«Лучше поздороваться с ним, стоя на ногах, чем махать рукой, лёжа на асфальте после столкновения с автомобилем», – здраво рассудил молодой человек и пошёл, склонив голову в надежде на удачу, дальше по своему маршруту. Удача, правда, не была к нему благосклонна, и спустя минуту его тихую походку нарушил громкий возглас.

– О, здорово, чувак, чё, как оно? – протягивая руку, пританцовывая голосом, сказал Джон.

– Да, привет, иду вот...

– Слушай, а что там Катя, залетела, да? – перебив Евгения, с оттенком стеба сказал собеседник.

– Не знаю, да кака...

– Да ты чё! Все ж знают!

«Зачем тогда спрашивать?» – злобно подумал Евгений.

– Эта та ещё общительная девушка, – рассмеявшись в конце, закончил предложение Джон.

– Жень... Джон, а ты как, уже все клубы в городе опробовал?

– Ну, – весёлым тоном начал говорить парень, – осталась пара мест. Сегодня пойду в «рАДдость», был там?

– Нет.

– Чё, может, залетишь? С девочками познакомимся, там все дела.

– Н-нет, спасибо, – уныло и протяжно сказал Евгений. – Ну ладно, я спешу, давай.

– Ну давай, если чё, жду. – Подмигнув и попрощавшись с Евгением, Джон побежал дальше, а Евгений, подумав: «Наконец», развернулся и двинулся по улице в своём направлении.

– Он, наверное, и неплохой парень, – начал рассуждать молодой человек, – просто я его не понимаю. Но как можно так время проводить, не лучше ли дома смотреть сериалы, фильмы да книжки читать. Лучше же, чем бесполезно развлекаться. Зачем цепляться к легкомысленным девушкам, ведь это то же самое, что поесть или сходить в туалет, самого важного нет – чувства. Ерунда это всё, ерунда.

Свернув с центральной улицы, над его головой повисли тучи. Блеск глаз, что ему подарила атмосферная прогулка, начал потихоньку гаснуть, и в голову полезли, как гравий, тёмно-серые мысли. В миг романтический минор его мыслей стал каким-то простым, грустным. Почему? Его самого это интересовало. Он посмотрел в свой телефон с кучей уведомлений и брезгливо бросил его обратно в карман пальто. Возможно, оттого, что там не было сообщения от того, кого он ждал, а возможно, и оттого, что совершенно не хотел отвечать и даже графически изображать радость.

Отчего же он всегда ходил с мечтательно поникшими глазами? Почему вслед за ним шаг-в-шаг плелась тень, что проникала в его голову и шептала ему, что он одинок? В сущности, его «одиночество» таковым не являлось, ведь к нему часто обращались за советом, за помощью, и он всегда был рядом и был рад помогать. Но, отдавая силы на помощь кому-то, те же силы селили в нём уверенность в том, что им пользуются. Будто бы в этой «сделке» ему недоплатили. Было ли это правдой, известно лишь наверху, важно лишь то, что это было правдой для него.

«Доверие – высшая степень чувства к человеку, высшая степень уверенности в себе» – такой тезис он ставил в абсолют. Оно подорвалось в нём ещё на пороге пятнадцатилетия. Этот возраст – всегда время изменений, в первую очередь ментальных. Именно тогда Евгений впервые познал радость и тяготы любви. Именно оттого он перестал играть в футбол шариком из бумаги с парнями на перемене, перестал ходить в компьютерные клубы после школы – всё время до наступления ночи было только её. Плата за это последовала мгновенно – смех над девушкой, задевавший его сильнее, чем её, постановка вопроса о мужестве Евгения, так часто гулявшего с Ней, а не с Ними. Раз – и не с кем идти домой после школы; два – и девушки уже нет; три – вопрос в голове: «Нужны ли друзья?»

Возможно, ему отчасти и хотелось, чтобы это было явью. Он мыслил образами и этими образами жил. Со временем его нарочитое одиночество и социопатия начали казаться единицами романтичности. Он нарастил некий образ вокруг себя, что, как ему казалось, делало его до ужаса интересным.

Была у этого и обратная сторона. Ощущение всеобщей глухоты стало для него привычным. Это была привычка переживать внутри себя снегопады, тайфуны и смоги. А поделиться чем-то с другом (или кем-то ещё) – значит порушить образ. Желание постоянно носить маску со временем создало прочную связь между ним и реальностью, настолько прочную, что она пустила корни в его голову, обросла вокруг мозга и стала кривым зеркалом между его разумом

и жизнью. Практически каждую ночь, лёжа в своей «постели», к нему приходила мысль, что, имея под две сотни друзей в соцсети, рассказать, что ему грустно, некому. Ни одно из трёхсот тридцати двух ушей не заинтересовано в его плаче.

«Стоит ли винить их в том, что я им не нужен? – подумал Евгений, проматывая список друзей. – Нет, зачем, у них свои дела, свои печали и улыбки, зачем докучать кому-то своей тоской?»

Ему хотелось оправдать растущую ненависть ко всему вокруг и даже к себе поисками своего места в жизни. Но он, дурак, искал только в глубине себя, среди кактусов и увядающих роз. Апатичная злость стала следствием пустой археологии и, распространяясь на всё вокруг, безо всякой на то причины превращала его жизнь в созерцание и рефлекссию: без действия, без динамики, без жизни.

Евгений посмотрел на подъезд, затем набрал «23» на домофоне.

* * *

Придя в родительский дом, лицо Евгения четвёртый раз украсилось улыбкой. Уже в лифте губы что есть силы пытались искривиться. Сам он эту улыбку не любил – не стильно – но в ту секунду она была естественным отражением предвкушения чего-то волшебного. Превосходной натурой рассеивания туч внутри него. В миг все рефлексии отпали, образ, тщательно выстраиваемый им, сошёл на нет. Весь он – теперь эта улыбка.

Дверь оказалась открытой. Темно.

«Бум» – брызнула хлопущка весёлым дождём. Ещё мгновение – и темнота прихожей начала разбавляться коллективным пением «happy birthday to you» и тёплым светом, который спустя пару секунд оказался перед ним. Двадцать один точечный огонёк, соединяясь друг с другом, образовывали единый тёплый и приятный свет. Обливаясь им, нутро Евгения наполнялось бархатной нежностью, ведь он видел, что его мать влажными глазами и с самой чистой на свете улыбкой любит его, отец строго и с уважением пожимает руку, а сестра внимательно следит за тем, чтоб свечи не загасли раньше положенного. Пламя этих свечений топило в нём лёд собственного образа, и он на день стал настоящим.

Один Пять Четыре

*Размешав печаль и тоску,
Представляя смерть джентльмена,
Обомлев, приставляет к виску...
Лист бумаги, наполненный тленом.*

Я ненавижу каждую наступающую ночь. Почему? Потому что ночью люди мечтают, потому что темнота, разбавленная не освещающими ничего огоньками, подобно нежно-космическому одеялу укутывает нас в себя; внутри него даже холодная от мороза земля будет казаться перьями, которые будто специально рассыпали ангелы, дабы создать человеку комфортное ложе. Как и в любую фантастически уютную атмосферу, в неё нужно верить, и лишь тогда она очарует вас. Чары – это мысли, планы, желания и мечты.

Мы все размышляем по ночам. Разыгрываем, как в картах, разные комбинации суровых жизненных явлений, случившихся недавно. Мы ищем верный ход, верную идею ради очевидной цели – поменять что-либо. Подобрал на воображённом игровом столе правильные карты, можно победить. Имеется ли в этом смысл – вопрос риторический. Ведь загадка, которую мы решаем, уже разгадана и, раз мы не наслаждаемся её результатом, разгадана неверно.

Планируя, мы будто расплетаем сложно свитый канат в прямую тонкую нить с чётко обозначенными началом и концом. Наши планы – будто книги, в которых прочтены первая и последняя главы. Подобные идеи не нуждаются в искривлениях собственного маршрута. Потом, если человек набирается смелости исполнить созданное (это сложно, ведь ночью мы смелее), он просаливает подушку от того, что упал от поцелуя ноги с первой достаточно большой кочкой, способной прервать привычный шаг.

Желая, мы пытаемся понять, выявить среди призрачных реальную дорогу. Пытаясь превратить паутиноподобную точку в конкретную печать, переиначиваем линии ради создания ясно видимого образа. Заблуждаемся ли? Однозначно. Но под одеялом, спрятавшись от колючей жизни в шёлке, нам кажется это достижимым.

Наконец, мечтая, мы закрываем дверцу от всего внешнего. Звёздный уют, подобно дыму, ласково проскальзывает в уши и насыщает уставший от рутины, завядший от грубости среды, потускневший от разочарования росток. Он наполняет каждую клетку потухшего растения жизнью. Магически прекрасная ночь открывает дорогу словам, созданным и забытым в секунды дурманного диалога с собой.

Я же перестал верить в магию темноты – она стала для меня удушающе угрюмым пространством. Мои мысли, порождённые тьмой, не имеют никакой магии. Они лишь закапывают глубже желание проснуться. Ведь на следующий день снова придётся терпеть взрывы умерших звёзд внутри себя.

Человеческая память сродни киноплёнке. Она представляет собой покадровую ленту из воспоминаний. Некоторые мы выявляем, другие – их принято называть негативами – стараемся спрятать куда подальше и не воспроизводить никогда. Но всё-таки они продолжают храниться на полке с остальными плёнками. Возможно, жизнь наша – лишь кинотека со сгнивающими от тяжести полками.

Мы часто ненавидим свои воспоминания. Ещё чаще – воспроизводим их по новой, пока тошно от них не станет. Порой хочется вырезать один кадр – и запрыгнуть в него, пережить тот удивительный момент вновь, остаться в нём навсегда. Увы, нам не под силу жить внутри сохранённых нами же миров. С одной стороны, жаль, с другой – основа для движения дальше.

Мне очень нравится проводить ночи за кинопроектором. Каждый вечер, возвращаясь домой, открываю потрёпанные дверцы и выбираю ленту, которую сердце просит посмотреть.

Чаще всего это что-то светлое, что-то нежное из колючего прошлого. Сложно сказать, счастливый я человек или несчастный, ведь люди, живущие с улыбкой, обычно не пропадают в прожитом.

Они должны жить настоящим, правда?

Так, я полез в шкаф в поисках нежной мелодрамы на вечер – отчего-то настроение тогда было до ужаса лиричным. То ли капли дождя, нежно гладившие окно, повлияли на моё настроение, то ли то, что сегодня меня весь день преследует грусть. Такое порой бывает – и ничего с этим не сделаешь.

Улыбаясь, развлекаясь, словом, проводя увеселяющую деятельность, за мной по пятам каждый день идёт едкая и скользкая тень прошлой печали. Раз за разом, понимая, что возвращаться назад не имеет смысла, заглядываю туда. Зачем? Хороший вопрос, скорее от скуки, чем по нужде. Когда голова свободна от мыслей, когда старается сбросить напряжение, в ней прорастают фиолетовые цветы прошлого.

Каждую еженочную рефлексию в моей голове всплывает один чёрно-нежный образ. Эти кадры имеют для меня особое значение. Более всего обожаю их пересматривать. Наверное, их давным-давно стоило выкинуть, но я слишком нерешителен, да и как можно избавиться от событий, где был по-настоящему счастлив?!

Они не просто хранятся среди большинства, как другие; они спрятаны далеко внутри особенного конверта. Я боюсь, что на них осядет пыль, что их увидит кто-то, кроме меня. Они вызывают настолько объёмный эмоциональный «БУМ», что запомнил каждую деталь без надобности вновь пересматривать. Правда, всё равно делаю это. Те образы, события... от них даже пахнет удивительностью.

Закрыл глаза, пролистал, как каталог, каждую ленту и начал смотреть.

Один

Я... я, кажется, счастлив. Так улыбочиво, так возвышенно лежать в кровати, представляя, как поцелую ей руку, как она улыбкой встретит мой взгляд.

Этот человек – порождение эстетики в самом высоком смысле. Лишь заметив её, не говоря о том, чтобы обменяться мыслями, заражаешься магией чего-то старо-готического. Внешне она напоминала не то Миланский собор, не то собор в Кутансе: острая, статная, роковая; «устрашающе величественная».

Как и положено аристократке двадцать первого века, она выделялась среди большинства других девушек. Можно было не заметить кого угодно, даже лектора на паре, её заметишь всегда. Образцово покрашенная, одетая в неизменно тёмные тона, на французско-английский манер, разящей походкой сверкнёт мимо глаз.

В то же время, несмотря на свой вычурный образ, она была поразительно легка в общении, ухитрялась завязывать контакт с абсолютно любым человеком. Не знаю никого, кто б не очаровался ею. Везде первая, самая активная и важная.

Удивительно для меня было и то, что ей удавалось превратить внешнюю эстетику в некую внутреннюю философию. Ей было важно, чтобы всё, каждая деталь, которой она коснётся, была идеальной или максимально близка к этому. Имидж, интонация голоса, походка, даже движения тонких рук – всё было прекрасно выверено. Она красиво разговаривала, много читала, влюблялась в героев книг и фильмов, слушала меланхоличную музыку, из которой струилась то ли загадочность, то ли холодная темнота, как и из неё самой.

В ту ночь, как и пару недель до неё, мне представлялась одна и та же картина: я должен был признаться ей в своих чувствах.

Практически сразу понял, что моя симпатия – что-то более стройное, чем классическая межчеловеческая связь. Нить, протянутая от меня до неё, – это нечто совершенно тонкое, необычное; не могу вспомнить, чувствовал ли такое хоть раз. Это словно связь между творцом и музой. Она едва уловима, сложно осязаема и абсолютно редка.

Так уж получилось, что мы с ней должны были вместе пойти на вечер городской поэзии. Я любил стихи, она тоже. Само мероприятие благоухало романтикой, лирикой, и это очарование захлестнуло меня. Нет, я не талантливый поэт, не дано мне раскручивать метафорическую машину до максимальной скорости удивительных творцов. Но каждый, кто умеет находить в радио своих мыслей волну романтики, так или иначе является поэтом, не по профессии, скорее по натуре. У многих людей есть стихи, и я один из них.

В голове созрел сумасшедший план, он дорабатывался, дорисовывался еженочно! Кажется, что если всё пойдёт именно так, как построено в абстракции, мне повезёт открыть дверь в Её сердце.

Всё начиналось с простого романтического жеста – цветов; она любила пионы. Но в октябре их нельзя достать, потому заменил на бледный нежно-розовый букет крохотных, как маленькие яблоки, розочек.

Цветы планировались к передаче в её руки не сразу, это было бы скучно. Букет – звено, катализатор сердечных шестерёнок.

Мне повезло быть знакомым с одним из авторов, читавших в тот вечер свои произведения. Я попросил его дать мне возможность выступить где-то в середине события, на небольшом антракте; он ответил согласием.

Далее я выбирал стихотворение, которое хочу прочитать, – оно должно быть максимально нежным, в котором чувствовались бы и пылкость моей симпатии, и некоторая загадочность; наверное, это и есть формула романтики.

Мы слушали стихи, заряжались лирикой и подходили к осуществлению моей задумки, будучи максимально настроенными на неё.

Один из поэтов объявляет перерыв и заканчивает речь так:

– Чтобы Вы не скучали, сейчас выступит человек, поэтика которого вызовет блеск в Ваших сердцах.

Под закономерные аплодисменты вышел я, смущённый, и, нервно держа микрофон, сказал:

– Спасибо! Это очень лестные слова; я прочту стихотворение, которое назвал «К тебе».

К тебе
Я на руки её смотрю;
Они нежные даже на вид:
Словно трава, мягкая в зарю,
Словно свежеиспечённый бисквит.

Я наблюдаю за её глазами;
Они движутся так интересно:
В них полыхает всё чудесами...
Я не могу... Как же она прелестна!

В ней словно живёт бесконечность!
Ярым пламенем придуманная грация.
Я не верю, что она безупречность;
Она лишь придуманная мной иллюстрация.

Самый лучший из возможных портретов.
Идея самого великого безумца!
В ней слишком мало ответов,
А вопросов – целая унция.

Под хлопанье ладоней преклонил голову, затем поднял в поисках её глаз. Они чудесно сочетались со сладкой улыбкой; я чувствовал создавшуюся меж нами симпатию. В завершение достал из-за шторы цветы, спустился со сцены и подарил ей. Блеск её глаз был так ярко, что зажгёт меня изнутри.

Увы, это слишком идеально. Моё воображение создало прелестную картину, которую, как и обычно, в реальности повесить невозможно.

На деле всё выглядело так: цветы я не купил, да и выступить у меня не получилось, но придуманный мною сюжет приобрёл новый виток; я провожал её до дома.

Прогуливаясь вместе по тёплой улице, во мне играли барабаны. Кто-то внутри колотил по сердцу так, словно хотел поставить на нём десяток синяков. В кульминационный момент, когда хотел сказать ей минорно и испуганно: «Подожди, я... Ты мне нравишься!..» – не решился и безо всяких слов развернулся и отошёл в глубину улицы; она же развернулась и грациозно улетела домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.